

Научная статья

УДК 347

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1569

Anastasia Aleksandrovna Rozhmanova

Postgraduate of the Department of Civil Rights and Procedures,
field of training

40.06.01 — Jurisprudence,

Belgorod State

National Research University

Belgorod, Russian Federation

a08.arozhmanova@bk.ru

Анастасия Александровна Рожманова

аспирант кафедры гражданского права и процесса,

направление подготовки

40.06.01 — Юриспруденция,

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

Белгород, Российская Федерация

a08.arozhmanova@bk.ru

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЕКЦИИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В статье осуществлен всесторонний анализ ключевых правовых принципов, определяющих регулирование применения генетических технологий в селекционной деятельности и сельском хозяйстве Российской Федерации. В исследовании прослеживается трансформация нормативного подхода, а именно от фундаментальных научных основ классической селекции к современному строго регламентированному правовому режиму, сформированному в ответ на обращение генетически модифицированных организмов (ГМО). Особое внимание уделяется основополагающим ориентирам государственной политики, закрепленным в Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», а также производным от них отраслевым принципам, таким как приоритет публичных интересов, рациональное использование земельных ресурсов, обеспечение экологической и биологической безопасности и формирование устойчивой системы государственного контроля. Отдельный аналитический блок посвящен сравнительному рассмотрению противоречивых международных подходов, включая концепцию «существенной эквивалентности» и доминирующий в российской практике «принцип пре-

досторожности», который обусловил запрет коммерческого выращивания ГМО-культур и расширение мер по управлению потенциальными рисками.

На основе критического анализа законодательства выявляются структурные пробелы, например недостаточная определенность прав и гарантий участников соответствующих правоотношений, отсутствие четко ограниченной ответственности государственных органов, а также фрагментарность административных норм, регулирующих нарушения в данной сфере. Кроме того, обосновывается необходимость комплексной модернизации нормативной базы с целью достижения баланса между задачами биологической безопасности, стимулированием научно-технологического развития аграрного сектора и повышением уровня информированности общества. Представленные выводы вносят вклад в развитие отечественной доктрины аграрного и экологического права в контексте регулирования инновационных биотехнологий.

Ключевые слова: генетические технологии, селекция, генетически модифицированные организмы / ГМО, принцип предосторожности, государственное регулирование, экологическая безопасность, правовые принципы, сельскохозяйственное право, биологическая безопасность, маркировка продукции, ответственность, нормативно-правовая база

Для цитирования: Рожманова А. А. Принципы использования генетических технологий в селекции // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 252—258. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1569.

Original article

PRINCIPLES OF USING GENETIC TECHNOLOGY IN SELECTION

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the key legal principles that govern the regulation of genetic technologies in breeding and agriculture in the Russian Federation. The study explores the transformation of the regulatory approach from the fundamental scientific foundations of classical breeding to the current strict legal regime established in response to the use of genetically modified organisms (GMOs). Special attention is paid to the fundamental guidelines of state policy enshrined in the Law on State Regulation of Genetic Engineering Activities, as well as the industry-specific principles derived from them, such as the priority of public interests,

the rational use of land resources, ensuring environmental and biological safety, and establishing a sustainable system of state control. A separate analytical section focuses on a comparative analysis of conflicting international approaches, including the concept of “substantial equivalence” and the “precautionary principle” that dominates Russian practice, leading to the prohibition of commercial cultivation of GMO crops and the expansion of measures to manage potential risks.

Based on a critical analysis of the legislation, structural gaps are identified, such as the lack of clarity in the rights and guarantees of the participants in the relevant legal relations,

the absence of clearly defined responsibilities for government agencies, and the fragmented nature of administrative regulations governing violations in this area. Additionally, this work highlights the need for comprehensive modernization of the regulatory framework in order to achieve a balance between the objectives of biological security, promoting scientific and technological development in the agricultural sector, and raising public awareness. The presented findings contri-

bute to the development of the domestic doctrine of agricultural and environmental law in the context of regulating innovative biotechnologies.

Keywords: *genetic technologies, breeding, genetically modified organisms / GMOs, precautionary principle, state regulation, environmental safety, legal principles, agricultural law, biological safety, product labeling, responsibility, regulatory framework*

For citation: Rozhmanova A. A. Principles of using genetic technology in selection. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):252—258. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1569.

Введение

Современная селекция, будучи наукой о создании и улучшении сортов растений, пород животных и штаммов микроорганизмов, претерпела радикальную трансформацию благодаря развитию генетических технологий. От традиционных методов гибридизации научный прогресс шагнул к целенаправленному конструированию организмов с заданными признаками. Однако столь мощный инструмент порождает не только агрономические и экономические перспективы, но и комплекс правовых, экологических и социально-этических вызовов, требующих взвешенного государственного регулирования.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного анализа принципов правового регулирования в этой динамичной сфере, их реализации в национальном законодательстве и выявления дисбалансов, препятствующих как обеспечению безопасности, так и технологическому развитию. В Российской Федерации, как и в мире в целом, сформировались противоречивые подходы к оценке рисков и преимуществ генетически модифицированных организмов (далее — ГМО), что требует научного осмысления.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика правового регулирования генетических технологий в сельском хозяйстве и селекции привлекает внимание многих исследователей. Основные подходы к регулированию ГМО в международной практике проанализированы Н. А. Чуйко [1]. Эволюция законодательства в сфере селекционных достижений исследована М. С. Коняшиным [2].

Фундаментальные основы системы правовых принципов в экологическом праве заложены в монографии А. Я. Рыженкова [3], где автор обосновывает иерархическую структуру принципов и их роль в формировании охранительного вектора правового регулирования. Состояние и перспективы правового регулирования применения геномных технологий в растениеводстве России исследованы А. Ю. Соколовым с соавторами [4], которые отмечают явно выраженный «запретительно-контрольный» характер сложившейся системы.

Сравнительный анализ международных подходов к регулированию ГМО в США, Евросоюзе и России проведен в работе Т. А. Воейковой [5], где выявлены существенные различия в подходах к оценке рисков и процедурам регистрации. Особенности зарубежных моделей регулирования, в т. ч. канадской, исследованы С. Дж. Смитом [6], а вопросы безопасности и контроля генетически модифицированных источников пищи рассматриваются в работах В. М. Позняковского [7].

Эволюция подходов к регулированию геномных технологий в зарубежном праве проанализированы Т. В. Редниковой [8]. Проблемы международно-правового регулиро-

вания и отсутствия единого «договорного режима» в сфере биотехнологий анализируются А. О. Иншаковой с соавторами [9], а также Р. Г. Новиковой [10], которая обращает внимание на барьеры в международной торговле, вызванные отсутствием единых стандартов.

Дискуссионные вопросы использования ГМО в сельском хозяйстве, включая анализ российского запретительного подхода и его последствий, подробно рассмотрены в работах А. П. Анисимова и О. В. Поповой [11]. Вопросы поиска сбалансированного нормативного подхода в России и за рубежом поднимаются в работе А. О. Иншаковой и Ю. А. Тымчук [12].

Проблемы коммуникации научного сообщества с обществом в сфере генетических технологий в сельском хозяйстве исследованы Дж. Хендрикс с соавторами [13]. Новые технологические возможности, требующие пересмотра понятийного аппарата (*CRISPR/Cas*), рассматриваются в работе Р. Цай с соавторами [14]. Безопасность использования генетических технологий и необходимость смены концепции их правового регулирования обоснованы академиком М. П. Кирпичниковым и А. М. Кудрявцевым [15].

Несмотря на наличие фундаментальных работ, комплексное исследование системы принципов регулирования генетических технологий именно в контексте селекции, с учетом последних законодательных изменений (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ) и в сравнении с зарубежными подходами, остается востребованным, что определяет **целесообразность разработки темы.**

Целью настоящего исследования является формирование целостного представления о содержании и системных взаимосвязях правовых принципов, регулирующих использование генетических технологий в сельскохозяйственной селекции в Российской Федерации, а также выявление дисбалансов в их реализации и обоснование направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- проанализировать эволюцию нормативного подхода от классической селекции к генной инженерии;
- систематизировать руководящие и отраслевые принципы регулирования генно-инженерной деятельности;
- сопоставить принцип «существенной эквивалентности» и «принцип предосторожности» в международном и российском правовых порядках;
- выявить пробелы и коллизии в действующем законодательстве;
- сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования использования генетических технологий в селекции.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении принципов регулирования ГМО через призму их применимости в аграрной селекции, что позволяет оценить не только охранительную, но и развивающую функцию права в условиях технологических инноваций.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии доктрины аграрного и экологического права в части систематизации принципов правового регулирования генетических технологий, а также в обосновании необходимости их сбалансированного применения с учетом как охранительных, так и стимулирующих функций права.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и предложения могут быть применены в законотворческом процессе при модернизации законодательства о биобезопасности, а также в правоприменительной практике и образовательной деятельности при подготовке специалистов в области аграрного и экологического права.

Основная часть

Методология исследования. Исследование выполнено с использованием как общенаучных, так и специальных юридических методов познания. Последовательность выполнения исследования включала несколько этапов: на первом этапе был проведен анализ эволюции законодательства в сфере селекции и генной инженерии, на втором этапе осуществлен синтез выявленных правовых принципов и их систематизация, на третьем этапе проведен сравнительно-правовой анализ международных подходов, заключительный этап посвящен критической оценке действующего законодательства и формулированию выводов.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа установлено, что правовое регулирование генетических технологий в селекции Российской Федерации базируется на иерархической системе принципов, где основополагающие руководящие начала (безопасность, гласность, обязательная регистрация) дополняются отраслевыми принципами (приоритет публичных интересов, рациональное использование земель, экологическая безопасность). Сравнительно-правовой анализ выявил доминирование в российской правовой системе принципа предосторожности, имплементированного в наиболее жесткой форме — в виде фактического запрета на коммерческое культивирование ГМО-культур (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ), что существенно отличается от моделей существенной эквивалентности, применяемых в США, Канаде и Японии. Ключевыми результатами критического анализа законодательства стали выявленные системные пробелы — дисбаланс прав субъектов правоотношений, отсутствие законодательно закрепленной ответственности государственных органов за неправомерные решения в сфере регистрации и контроля, фрагментарность административно-деликтных составов, регулирующих нарушения в области оборота ГМО, а также односторонняя реализация принципа гласности, формирующая в общественном сознании преимущественно негативное отношение к генетическим технологиям без представления полной научной информации.

Современная селекция, будучи наукой о создании и улучшении сортов растений, пород животных и штаммов микроорганизмов, претерпела радикальную трансформацию, благодаря развитию генетических технологий.

Так, от традиционных методов гибридизации научный прогресс шагнул к целенаправленному конструированию организмов с заданными признаками, однако, столь мощный инструментальный порождает не только агрономические и экономические перспективы, но и комплекс правовых, экологических и социально-этических вызовов, требующих взвешенного государственного регулирования. В Российской Федерации, как и в мире в целом, сформировались достаточно противоречивые подходы к оценке рисков и потенциальных преимуществ ГМО, и если в таких странах, как США, Канада и Япония, доминирует принцип «существенной эквивалентности», фокусирующийся на безопасности конечного продукта, то в России и в ряде государств Евросоюза возобладает более осторожный подход, основанный на превентивном ограничении [1].

Анализ эволюции нормативного подхода к селекционной деятельности показывает радикальный сдвиг парадигмы. Так, если традиционная селекция, опираясь на законы классической генетики, развивалась в правовом поле сортоиспытания и охраны селекционных достижений [2], то появление методов направленного изменения генома потребовало создания принципиально нового, специализированного правового режима. В Российской Федерации таким ответом стал Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который, по сути, переориентировал фокус государственной политики с поддержки инновационного развития аграрной науки на обеспечение жесткого контроля и минимизацию любых потенциальных рисков, связанных с ГМО. Такая трансформация знаменует собой переход от управленческой модели, основанной на оценке конкретных результатов, к модели, построенной на превентивном регулировании, центральным элементом которой выступает принцип предосторожности.

Система правовых принципов, формирующих современное регулирование генетических технологий в России, имеет выраженную иерархическую структуру. Правовые принципы, понимаемые как основополагающие идеи, определяющие содержание и направление правового регулирования, образуют некий каркас любой отрасли законодательства, при этом фундаментом этой системы составляют руководящие принципы государственной политики, закрепленные в ст. 5 Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ: «Генно-инженерная деятельность должна основываться на следующих принципах:

- безопасности граждан (физических лиц) и окружающей среды;
- общедоступности сведений о безопасности генно-инженерной деятельности;
- обязательного подтверждения соответствия продукции, содержащей результаты генно-инженерной деятельности, с указанием полной информации о методах получения и свойствах данного продукта;
- государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации».

Представленные принципы носят основополагающий, декларативный характер и задают общий охранительный вектор, а на их основе формируется комплекс более

конкретных отраслевых принципов, применяемых непосредственно в аграрной сфере. Отметим, что важнейшим из представленных принципов, является принцип приоритета публичных интересов, который обосновывает активное вмешательство государства в целях обеспечения биологической и экологической стабильности общества, а в контексте сельского хозяйства данный принцип тесно переплетается с принципом рационального использования и охраны сельскохозяйственных угодий, поскольку потенциальное возделывание ГМО-культур рассматривается в связи с необходимостью сохранения ценного земельного фонда [3]. Императивным же требованием, пронизывающим все уровни регулирования, выступает принцип экологической безопасности и охраны здоровья человека, выступающий абсолютным ограничителем любой деятельности с ГМО. Однако, отметим, что некоторые исследователи отмечают, что сложившаяся система носит явно выраженный «запретительно-контрольный» характер и содержит мало механизмов, стимулирующих научные исследования и ответственное внедрение инноваций в практическую селекцию [4].

Международный опыт демонстрирует принципиально иную, биполярную картину регулирования, что усугубляет противоречия в российской практике. Так, в таких странах, как США, Канада и Япония, доминирует принцип «существенной эквивалентности», который фокусируется не на процессе создания, а на конечном продукте [1]. Сравнительный анализ правового регулирования использования ГМО в промышленных целях в США, Евросоюзе и России проведен в работе Т. А. Воейковой с соавторами [5], где отмечаются существенные различия в подходах к оценке рисков и процедурам регистрации. Как фиксируется в современных исследованиях, регуляторные модели Канады и США, построенные на этом принципе, нацелены на оценку конкретных признаков и безопасности нового сорта в сравнении с его традиционным аналогом, уже имеющим историю безопасного использования, что позволяет избежать избыточного регулирования, основанного лишь на факте применения биотехнологических методов [6]. Если ГМО-продукт по ключевым параметрам (химическому составу, питательной ценности) не отличается от традиционного аналога, он признаётся столь же безопасным [7]. Основным инструментом регулирования в таком подходе становится информирование потребителя через обязательную маркировку.

В противоположность этому, в основе европейской и российской модели лежит принцип предосторожности, сформулированные в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. Указанный принцип допускает и оправдывает введение строгих ограничительных мер, включая полный запрет, даже при отсутствии неопровержимых доказательств вреда, но при наличии обоснованных опасений относительно потенциальных неблагоприятных последствий в будущем. Сам принцип предосторожности гласит: «В целях защиты окружающей среды государства должны широко применять предупредительный подход в соответствии с их возможностями. В случае угрозы серьезного или необратимого ущерба отсутствие полной научной достоверности не может служить основанием для откладывания экономически эффективных мер по предотвращению деградации окружающей среды». Наиболее последовательное и специализированное юридическое закрепление данный

принцип нашел в международном праве в отношении ГМО, а именно в Картахенском протоколе по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии 2000 г. Как отмечает Т. В. Редникова [8], принцип предосторожности реализуется в зарубежных правовых системах через различные механизмы — от полного запрета до системы поэтапной авторизации. Исследуя международно-правовые вызовы регулирования биотехнологической продукции А. О. Иншакова, А. М. Отрашевская и А. М. Солнцев [9] приходят к выводу об отсутствии единого «договорного режима», регулирующего биотехнологии, по их мнению, существует разрозненная и противоречивая «сеть» соглашений, касающихся интеллектуальной собственности, торговли и окружающей среды. Протокол, ратифицированный Россией в 2007 г., прямо устанавливает, что недостаток научной определенности не должен препятствовать принятию сторонами решения об ограничении импорта живых ГМО-организмов для преднамеренного высвобождения в окружающую среду. Таким образом, протокол легитимизировал использование принципа предосторожности в качестве правового основания для введения странами-импортерами ограничительных мер, включая запрет.

На уровне национального законодательства этот принцип был детально институционализирован. Ярким примером этого служит Регламент Европейского Парламента и Совета (ЕС) № 1829/2003 о генетически модифицированных продуктах питания и кормах от 22 сентября 2003 г. Данный акт, оставаясь в рамках парадигмы предосторожности, создает не просто запретительный, а сложносоставной регуляторный режим, который включает в себя обязательную предпродажную научную оценку рисков Европейским агентством по безопасности пищевых продуктов (EFSA), систему поэтапной авторизации конкретных ГМО, а также жесткие требования к прослеживаемости (трассируемости) и маркировке продукции на всех этапах производственно-сбытовой цепочки. Таким образом, европейская модель, в отличие от российской, делает акцент не на общем запрете, а на создании всеобъемлющей системы управления рисками, где принцип предосторожности реализуется через процедуры тщательной проверки и прозрачности. Вопросы гармонизации международных подходов к регулированию ГМО остаются предметом активных дискуссий. Как отмечает Р. Г. Новикова [10], отсутствие единых стандартов оценки безопасности и маркировки ГМО-продукции создает барьеры в международной торговле и требует выработки компромиссных решений на уровне интеграционных объединений.

Российский законодатель, последовательно реализуя принцип предосторожности, внес принципиальные изменения в действующее законодательство, приняв Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности», ужесточил положения базового Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ, установив практически полный запрет на коммерческое культивирование ГМО-культур и ввоз соответствующих семян на территорию страны. Подобную крайнюю меру некоторые правоведы сближают с принципом запрета хозяйственной деятельности, последствия которой непредсказуемы для окружающей среды, закрепленным в экологическом праве. Такой подход, на наш взгляд, максимально

усиливает биобезопасность в краткосрочной перспективе, но одновременно с этим, создает высокие барьеры для отечественных научных разработок и лишает агропромышленный комплекс потенциальных инструментов повышения устойчивости и продуктивности, что в долгосрочном периоде, по мнению ряда экспертов, может негативно сказаться на его конкурентоспособности [11].

Как отмечают А. О. Иншакова и Ю. А. Тымчук [12], в условиях, когда вред от ГМО-технологий не имеет убедительных доказательств, абсолютный запрет снижает регуляторную ценность закона и уменьшает потенциал конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства, тогда как более перспективным представляется использование механизмов сертификации и маркировки ГМО-продукции.

Критический анализ действующего законодательства, сформированного федеральными законами от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ и от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ, позволяет выявить ряд системных пробелов и внутренних противоречий, снижающих эффективность правового регулирования.

Во-первых, можно увидеть очевидный дисбаланс в защите прав различных субъектов, так, законодательство детально прописывает права граждан на благоприятную среду, охрану здоровья и получение информации о наличии ГМО в продуктах, но при этом практически полностью игнорирует права и законные интересы разработчиков генетических технологий и производителей соответствующей продукции. В законе отсутствуют гарантии защиты из прав от необоснованных административных решений, а также четкие процедуры возмещения возможного вреда, причиненного такими решениями.

Во-вторых, существует дефицит ответственности самих государственных органов в то время, как для хозяйствующих субъектов установлена административная ответственность по ст. 6.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), нормы, регулирующие ответственность уполномоченных органов власти за неправомерный отказ в регистрации, необоснованную задержку процедур или ненадлежащий контроль, в законодательство о генно-инженерной деятельности отсутствуют.

В-третьих, даже в рамках закрепительного режима наблюдается фрагментарность санкций. Так, действующий КоАП РФ не содержит, например, конкретных составов правонарушений за нарушение ключевых запретов на ввоз семян, установленных Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ, что делает сами эти запреты менее эффективными.

Наконец, принцип гласности, также закрепленный в Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ, на практике часто реализуется однобоко, поскольку информирование общества фокусируется преимущественно на потенциальных рисках и угрозах, в то время как объективные научные данные об оценке безопасности конкретных модификаций, их агрономических преимуществах и роли в решении глобальных продовольственных проблем остаются в тени. Право потребителя на достоверную информацию, включая данные о наличии ГМО, является ключевым элементом современного товарного оборота, а его нарушение подрывает основы доверия к рынку (Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»), что способствует формированию в общественном сознании не столько информированного, сколько предвзятого отношения к генетическим технологиям в целом,

затрудняя проведение взвешенной публичной дискуссии и принятие обоснованных политических решений. Проблема коммуникации между научным сообществом и обществом в сфере генетических технологий в сельском хозяйстве подробно исследована Дж. Хендрикс с соавторами [13], которые приходят к выводу, что отсутствие диалога и одностороннее информирование о рисках без разъяснения научных данных ведет к усилению недоверия и затрудняет принятие взвешенных регуляторных решений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать ряд выводов, отражающих сущность и противоречия современного правового регулирования генетических технологий в селекции России. Во-первых, регулирование генетических технологий в селекции России претерпело радикальную трансформацию, а именно от режима, поддерживающего инновации, к превентивной модели, основанной на принципе предосторожности в его наиболее жесткой, запретительной форме. Во-вторых, сложившаяся система правовых принципов обладает внутренним дисбалансом, поскольку, ориентированная на охранительную функцию, она содержит мало механизмов для стимулирования исследований и внедрения разработок, что отмечается в научной литературе. В-третьих, мы выявили структурные пробелы законодательства, в частности дисбаланс в защите прав субъектов (в ущерб производителям), дефицит ответственности государственных органов, неполнота санкций и односторонняя реализация принципа гласности, ведущая к формированию в обществе предвзятого, а не информированного отношения к технологиям.

Таким образом, действующая нормативная база, обеспечивая биобезопасность в краткосрочной перспективе, создает долгосрочные риски для технологического развития агропромышленного комплекса. Необходимо не отменить принцип предосторожности, а сбалансировать его с началами научной обоснованности, стимулировать инновации и пропорциональность, что требует комплексной модернизации законодательства, что также особенно актуально в контексте появления новых технологий, таких как геномное редактирование. Как отмечают Р. Цай с соавторами [14], технологии *CRISPR/Cas* открывают возможности для создания растений без встраивания чужеродной ДНК, что требует пересмотра самого понятия ГМО и критериев его оценки, поскольку такие организмы не отличаются от полученных традиционной селекцией. Данный вывод согласуется с позицией академика М. П. Кирпичникова и А. М. Кудрявцева [15], которые, анализируя перспективы развития генетических технологий в России, подчеркивают необходимость смены концепции их правового регулирования и приведения законодательных норм в соответствие с современным уровнем развития науки, включая корректировку понятийного аппарата генно-инженерной деятельности. По их мнению, именно запретительные меры в законодательстве, вызванные настороженным отношением общества, привели к тому, что перспективные отечественные разработки остались в стенах лабораторий и не были использованы для повышения продуктивности сельского хозяйства. Только такой подход позволит гармонизировать цели безопасности, суверенитета и устойчивого развития агропромышленного комплекса России.

На основе проведенного исследования представляется целесообразным:

- 1) разработать механизмы защиты прав разработчиков генетических технологий, включая гарантии от необоснованных административных решений;
- 2) ввести в КоАП РФ конкретные составы правонарушений за нарушение запретов на ввоз семян ГМО;
- 3) установить ответственность государственных органов за неправомерные действия в сфере регистрации и контроля;

4) обеспечить сбалансированное информирование общества о генетических технологиях, включая как риски, так и научные данные об их безопасности и преимуществах.

Перспективным представляется изучение правового регулирования новых генетических технологий (*CRISPR/Cas*), требующих пересмотра самого понятия ГМО, а также сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию геномного редактирования в странах ЕАЭС, БРИКС и Европейского Союза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чуйко Н. А. Основные подходы к регулированию генетически модифицированных организмов в международной практике // *Сибирский юридический вестник*. 2011. № 1(52). С. 160—165.
2. Конышин М. С. Эволюция законодательства в сфере регулирования института селекционных достижений // *Новый юридический вестник*. 2021. № 1(25). С. 22—28.
3. Рыженков А. Я. Принципы экологического права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 380 с.
4. Соколов А. Ю., Богатырева Н. В., Чумаков М. И., Гусев Ю. С. Состояние и перспективы правового регулирования применения геномных технологий в растениеводстве России // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 5(130). С. 44—56.
5. Воейкова Т. А., Журавлева О. А., Дебабов В. Г. Сравнительный анализ правового регулирования промышленного использования генно-инженерно-модифицированных микроорганизмов в США, Евросоюзе и Российской Федерации // *Молекулярная генетика, микробиология и вирусология*. 2020. Т. 38. № 2. С. 67—75. DOI: 10.17116/molgen20203802167.
6. Smyth S. J. The state of genetically modified crop regulation in Canada // *GM Crops & Food*. 2014. Vol. 5. Iss. 3 : Politics and GM crops. Pp. 195—203. DOI: 10.4161/21645698.2014.947843.
7. Позняковский В. М. Генетически модифицированные источники пищи: актуальность проблемы, технология создания, вопросы безопасности и контроля // *Техника и технология пищевых производств*. 2009. № 3(14). С. 58а—65.
8. Редникова Т. В. Правовое регулирование применения геномных технологий в сельском хозяйстве: эволюция подходов в зарубежном праве // *Политика и общество*. 2025. № 4. С. 21—34. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.4.76159.
9. Inshakova A. O., Otrashvetskaya A. M., Solntsev A. M. International Legal Challenges to Biotechnological Products // *Sustainable Development Risks and Risk Management. A Systemic View from the Positions of Economics and Law* / ed. E. G. Popkova. Cham : Springer, 2023. Pp. 145—149. DOI: 10.1007/978-3-031-34256-1_26.
10. Новикова Р. Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2021. Т. 25. № 1. С. 32—66. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-32-66.
11. Анисимов А. П., Попова О. В. Правовое регулирование использования ГМО в сельском хозяйстве: дискуссионные вопросы // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2017. № 3. С. 21—29.
12. Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Использование ГМО в сельском хозяйстве: поиск сбалансированного нормативного подхода в России и за рубежом // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025. № 4. С. 27—33.
13. Hendricks J., Weary D. M., von Keyserlingk M. A. G. Expert Views on Communicating Genetic Technology Used in Agriculture // *Food Ethics*. 2024. Vol. 9. Iss. 2. Art. 17. DOI: 10.1007/s41055-024-00148-8.
14. CRISPR/Cas system-mediated transgene-free or DNA-free genome editing in plants / R. Cai, N. Chai, J. Zhang et al. // *Theoretical and Applied Genetics*. 2025. Vol. 138. Iss. 9. Art. 210. DOI: 10.1007/s00122-025-04990-0.
15. Кирпичников М. П., Кудрявцев А. М. Безопасное использование генетических технологий // *Вестник Российской академии наук*. 2022. Т. 92. № 5. С. 407—412.

REFERENCES

1. Chuyko N. A. Main approaches of the regulation of genetically modified organisms in the international practice. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian law herald*. 2011;1(52):160—165. (In Russ.)
2. Konyashin M. S. Evolution of legislation in the field of regulation of the institute of breeding achievements. *Novyi yuridicheskii vestnik*. 2021;1(25):22—28. (In Russ.)
3. Ryzhenkov A. Ya. Principles of Environmental Law. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 2018. 380 p. (In Russ.)
4. Sokolov A. Yu., Bogatyreva N. V., Chumakov M. I., Gusev Yu. S. Legal regulation of genomic technologies application for crop production in Russia: current status and prospects. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2019;5(130):44—56. (In Russ.)
5. Voeikova TA, Zhuravliova OA, Debabov VG. Comparative analysis of legal regulation of industrial use of genetic-engineering-modified microorganisms in the United States, the European Union and Russian Federation. *Molekulyarnaya genetika, mikrobiologiya i virusologiya = Molecular Genetics, Microbiology and Virology*. 2020;38(2):67—75. (In Russ.) DOI: 10.17116/molgen20203802167.
6. Smyth S. J. The state of genetically modified crop regulation in Canada. *GM Crops & Food*. 2014;5(3):195—203. DOI: 10.4161/21645698.2014.947843.

7. Poznjakovskiy V. M. Genetically modified sources of food: a problem urgency, technology of creation, safety issues and the control. *Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv = Food Processing: Techniques and Technology*. 2009;3(14): 58a—65. (In Russ.)
8. Rednikova T. V. Legal regulation of the use of genomic technologies in agriculture: the evolution of approaches in foreign law. *Politika i obshchestvo = Politics and society*. 2025;4:21—34. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0684.2025.4.76159.
9. Inshakova A. O., Otrashhevskaya A. M., Solntsev A. M. International Legal Challenges to Biotechnological Products. *Sustainable Development Risks and Risk Management. A Systemic View from the Positions of Economics and Law*. E. G. Popkova (ed.). Cham, Springer, 2023. Pp. 145—149. DOI: 10.1007/978-3-031-34256-1_26.
10. Novikova R. G. Legal regulation in the field of genetically modified organisms (GMO) turnover in Russia and foreign countries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*. 2021; 25(1):32—66. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-32-66.
11. Anisimov A. P., Popova O. V. GMOs in agriculture: legal regulation and discussion. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*. 2017;3:21—29. (In Russ.)
12. Inshakova A. O., Tymchuk Yu. A. The use of GMOs in agriculture: searching for a balanced regulatory approach in Russia and abroad. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2025;4:27—33. (In Russ.)
13. Hendricks J., Weary D. M., von Keyserlingk M. A. G. Expert Views on Communicating Genetic Technology Used in Agriculture. *Food Ethics*. 2024;9(2):17. DOI: 10.1007/s41055-024-00148-8.
14. Cai R., Chai N., Zhang J. et al. CRISPR/Cas system-mediated transgene-free or DNA-free genome editing in plants. *Theoretical and Applied Genetics*. 2025;138(9):210. DOI: 10.1007/s00122-025-04990-0.
15. Kirpichnikov M. P., Kudryavtsev A. M. The safe use of genetic technologies. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022;92(5):407—412. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.